Бараваньжи

Первы люди жили, начинались — пошли в лес драни́цы драть. Подошли к сосне, она в сучьях. Подошли они, хвалят. Она — сук на суку, а наверху мара. Один и говорит:

— Робята, она ведь худа на драницы?

— Нет, добра.

— А мы иё как расколем?

— А я придумал: я по сучьям залезу, меж шараги голову запихаю, вы и тащите.

Залез и запихал.

— Тащите, робята.

Они потащили да голову и оторвали. Да и горюют:

— Ох, робята, у его голова была ле? Нет ле?

— А я-то хорошо-то не приме́тил, головой-то трёс, а голову-то не впримету.

— Видно, не было.

Идут. Сидит тетеря на сосне.

— Робята, вон варево сидит. Идите по воду, добывайте огня, я по тетерю полезу.

Полез на сосну сажен десять, добралса до вершины, тетеря полетела, его черт с сосны сбросил, вёю сломил. Товарищи принесли воды, а он и живой не бывал.

— А он, проклятой, спит, тетерю съел, пусь спит, пойдём без его.

Ушли.

Здумали Богу помолиться. Пришли в деревню, выбрали попа, поп и говорит:

— Что я буду делать, то и вы.

Зашёл в церкву, зате́плил свечи и начал:

— Мир всем!

А имя́ почудилось — «мир съем». Взял поп кадило, махал, махал да горячой уголь за голенишшо и выронил. Ляг на спину и давай ногам дрега́ть. И они все на спину и ногам дрегать. Помолились, идут домой. Идёт солдат, спрашиват:

— Что, робята, была обедня?

— Нет, было только мирско дрега́ньё.

Имя надо ехать с мукой, пять возов насыпали, поехали в город. Выпросились к мужику ночевать и уговариваютса:

— Ну, робята, смотрите, куда едем, туда и оглобли ставьте.

Мужик хозяин ночью стал и переворотил. Утром стали, запрягли, поехали, приехали домой. Увидели деревню, один кричит:

— Робята, эта настояшша наша деревня!

Увидели — баба одного ходит.

— Робята, эта настояшша Ванькина баба ходит!

Заехали в деревню, узнали, заворотили воза, поехали снова. Мужик знат, что они приедут, — выдолбил недалеко от двора луночку, налил квасу, намешал толокна и хлебат. Они увидели, прибегает один:

— Ты это кого хлебашь?

— А вот я намешал и хлебаю.

Товарищи выдолбили ёрдань, прорубили насквозь, полвоза ссыпали, помешали — жидко.

— Давай ишо прибавим.

Другой воз ссыпали, всё жидко.

Третей... и все пять возов ссыпали, всё жидко. Один говорит:

— Вы, робята, бестолковы: у нас толокно едрёно, на дно садится, я соскочу, помешаю.

Бултых в воду.

— Вишь, проклятой, один ускочил да один и хлебат!

Ускочил другой, третий... И все тут в пролубе и утонули. Кони стояли, стояли, ушли домой. Приходят домой. Один в деревне осталса. Поехал в бор по дрова. Приехал в бор, стоит сосна суха. Залез на сук, сел да его же и ссекат. Идёт солдат:

— Ты, Ва́ньза, упадёшь.

— А ты как знашь? Ты разе Бог?

Сек, сек — черт сбросил. Бежит за солдатом, ревёт:

— Бозынька, Бозынька, воротись, вот я теперь вижу, что ты Бог. Если ты Бог, дак ты узнашь, сколько и коров у меня? У меня семь пёстрых, да красных, да одна бура. Если отгадать, я одну отдам тебе.

Солдат отгадал.

— Ну, пойдём считать.

Посчитали — верно. Одну отдал солдату, солдат увёл одну. Ваньза спрашиват:

— А когда я умру?

— А вот пойдёшь к соседу, три раза пёрнешь — и умрёшь.

А ему беспременно надо идти к соседу — и боитса. Отправилса, помаленьку и шагат, оступилса и пёрнул. И заревел:

— Караул! Я умираю.

Пошёл дальше, опять оступилса, ишшо пушше заревел. Третей раз пёрнул, повалилса на саму дорогу, а ни черт и не сделалса! Сутки прошли — лежит. Други прошли — лежит, наступили третьи. Человек помер в деревне,

везут мимо Ва́ньзы, солдат сидит с плетью на гробу. Ваньза голову поднял:

— Вы чего везите?

— А ты разе слепой, не видишь?

— А он разе, дяденька, помер?

— Да, помер.

— А вы ему хлебца везите али нет?

— А какой мёртвому хлеб?

— А я вот третьи сутки лежу, как ись захотел!

Солдат давай его плёткой дуть. Дул, дул — соскочил, домой убежал.

Ваньзы стали заводить избу рубить, бревно на стену недостаёт, короткó.

— Мы все равно тебя вытянем.

На один конец стали трое, на другой — четверо. Эте тех перетягивают.

— Идите вы к нам.

Перейдут — опять перетягивают. Тянули, тянули, бросили бревно.

Взялись из ружья стрелять семь человек, а восьмому некуда.

— Я у вас заткну, оно у вас не чихнёт.

Взял за дуло-то и заткнул перстами. Оне стрелили, у его руку и оторва́ло.

Захотели Ваньзы спать, а с краю боятся все. Трои сутки стояли на ногах. Идёт солдат:

— Чё делаете?

— А вот спать хочём, всем надо в серёдка, не ложимся.

Солдат вбил кол.

— Ложитесь к колу головой.

Легли — все в серёдке очутились.

(Зап. 26 июля 1926 г. от З. Е. Яркова, 64 г., в д. Летняя Тавдинского р-на Тюменского округа Уральской обл.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.